

59163

Б. С. Р.
Депржбібліотека
им. В. І. Леніна
№ 6389

Нѣсколько словъ о новѣйшей бѣлорусской литературѣ.

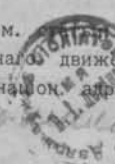
Въ памятные годы завѣтныхъ свободъ, въ эпоху пробужденія народнаго самосознанія, когда вся Россія стала просыпаться отъ вѣковаго насильственнаго усыпленія, не могъ не пробудиться и жалкій бѣлорусскій народъ, который давно принято было считать окончательно забитымъ, загнаннымъ и пропащимъ. Вѣковая тяжкая недоля, рабство, нищета и безпросвѣтная темень не убили и въ этомъ народѣ надежды на лучшее, и эта тлѣющая искра надежды стала разгораться при первомъ притокѣ свѣжей струи, при первыхъ лучахъ новой зари. Наравнѣ съ другими бѣлоруссы начали заявлять о своемъ существованіи и о своихъ правахъ. Это движеніе развивалось, съ одной стороны, на социальноекономической почвѣ, а съ другой — равномѣрно и неразрывно съ этимъ движеніемъ начала развиваться и укрѣпляться національная бѣлорусская литература, являющаяся выразительницей народнаго духа, носительницей и истолковательницей лучшихъ идеаловъ¹⁾. Мы не говоримъ о литературѣ партійной, имѣющей всегда временный интересъ; но и эта литература, вошедшая въ обращеніе съ 1905 г., сама по себѣ является весьма цѣннымъ показателемъ для рѣшенія стараго спора о томъ, можетъ ли существовать самостоятельная бѣлорусская литература, и признавать ли законное право существованія за бѣлорусскимъ языкомъ. Оказалось на практикѣ, что говорить съ бѣлорусскимъ народомъ, чтобы быть понятымъ, можно только на его природномъ бѣлорусскомъ языкѣ. Что этотъ языкъ обладаетъ достаточнымъ богатствомъ и гибкостью для выраженія общечеловѣческихъ чувствъ

1905 г.

59163.

624

¹⁾ Объ этомъ движеніи см. "Бѣлоруссы" Антона Новины, въ сборникѣ: „Формы національнаго движенія въ соврем. государствахъ“, СПб. 1909. „Бѣлоруссы и ихъ націон. аграрженіе“ Д. Дорошенко („Наша Ніва“ 1909, № 4).

и высокихъ мыслей,—это наглядно доказано и современной бѣлорусской художественной литературой, и бѣлорусской журналистикой, и критикой, и цѣлымъ рядомъ практическихъ общедоступныхъ изданій, появившихся за послѣднее время на бѣлорусскомъ языкѣ.

Впрочемъ, попытки созданія самостоятельной бѣлорусской литературы—явленіе не новое. Оставляя въ сторонѣ стародавнія времена, именно ту эпоху, когда такъ называемый бѣлорусскій языкъ, представлявшій собою смѣсь церковно-славянскаго и простонароднаго съ польскимъ, былъ языкомъ официальнымъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ, мы должны напомнить весьма цѣнные труды въ этомъ направленіи польско-бѣлорусскихъ писателей начала и середины XIX вѣка. Имена Маньковскаго (переводчика Энеиды), Дунина-Марцинкевича, Барщевскаго Верыги-Даревскаго и др. должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ.¹⁾ Недаромъ и наши современники-бѣлоруссы, хлопоча о своей національной литературѣ, чуть ли не съ первыхъ же шаговъ обратились къ этимъ старымъ писателямъ и переиздали нѣкоторыя ихъ поэтическія произведенія, замѣнивъ латиницу оригиналовъ гражданкою, и давъ такимъ образомъ въ руки грамотнымъ бѣлоруссамъ подлинный текстъ этихъ популярныхъ произведеній вмѣсто искаженныхъ рукописныхъ списковъ, ходившихъ повсюду по рукамъ. Несмотря на то, что произведенія этихъ старыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ проникнуты романтизмомъ того времени, тѣмъ не менѣе, напр., стихотворныя повѣсти и сатиры Марцинкевича и до сихъ поръ не утратили своего бытового и литературнаго интереса, и написаны онѣ хорошимъ народнымъ языкомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ-полякѣ такое хорошее знакомство съ живою народной рѣчью, какимъ не могутъ похвастать наши современные русскіе дѣятели среди бѣлоруссовъ. Укажемъ особенно на слѣдующія книжечки Марцинкевича: „Гапонъ“ (Агаеонъ)—повѣсть изъ крѣпостного быта, „Щеровскіе дожинки“, „Вечерницы“—бытовыя картинки, „Тарась на Парнасъ“—литературная сатира,²⁾ „Дударъ бѣлорусскій“ и др. произведенія, между прочимъ прекрасный переводъ его на бѣлорусскій языкъ „Пана Тадэуша“ Мицкевича, остававшійся до послѣдняго времени въ рукописи.

1) Объ нихъ см. въ 4 томѣ „Исторіи русс. этнографіи“, Пыпина.—Марцинкевичу, по случаю 25-лѣтія его смерти, посвященъ № 48 бѣлорусской виленской газеты „Наша Нива“ 1910 г. О Барщевскомъ—тамъ-же № 51—52 за 1911 г. Приложены портреты. О Маньковскомъ были замѣтки А. Ельскаго въ петербургскомъ Крайѣ, кажется, въ концѣ 80-хъ гг. См. его-же бѣлорусскую библиографію въ газетѣ „Chwila“ 1886 г. Въ недавнее время вопроса о начаткахъ бѣлорусской литературы касался Е. Ѳ. Карскій въ своей книгѣ „Бѣлоруссы“, Варшава, 1903.

2) *Напох. бѣлорусск. „Наша Нива“ 1909 г. № 40, 177. 573-37*

Эти опыты были настолько удачны и серьёзны, что, казалось, нельзя было сомневаться в том, что ими положено прочное начало новой белорусской литературы, и что она будет развиваться в этом направлении. Но на деле оказалось иначе, и главным образом из-за политических причин. Проводя крестьянскую реформу 60-х годов, правительство в то же время с опаскою следило за народным пробуждением, и эти опасения направлены были и против развития областных литератур. Притеснениям подверглась малорусская литература, причём внешним предлогом послужило новое Кулишовское правописание; в Белоруссии и Литве таким же внешним поводом преследования была латинская или вёрше польская азбука: даже католикам-литовцам запрещено было печатание литовских книг, в том числе и молитвенников, польским шрифтом; белорусские писатели из поляков лишились возможности печатать свои произведения, написанные польской транскрипцией, а русскою они отчасти плохо владели, отчасти сознательно избегали её, и многие литературные опыты (напр. Александра Ельского и др.) оставались неизданными; природных белорусов из народа, способных к литературной деятельности, ещё не находилось, да и простая грамотность русская была лишь в зачаточном состоянии в крае; русские деятели, вызванные туда для проведения идей правительства и занятые прежде всего обрусением края, не только были чужды народной жизни, но и враждебно относились к проявлениям местной национальной самобытности, и не от них, конечно, можно было ожидать содействия или по крайней мере мёртвого сочувствия областной литературе. Так эта живая струя духовной жизни народа была заглушена, и литературные всходы 50-х годов, подававшие большие надежды, были уничтожены и заглохли, не достигнув своего развития. Литературная жизнь Белоруссии была задержана болѣе, чѣм на полстолѣтія.

Наше время является второй эпохой новой белорусской литературы. Если в прежнее время главным литературным центром Белоруссии был Минск, то теперь главная литературная деятельность сосредоточивается в Вильне. Здесь основался кружок интеллигентных белорусов, поставивший себя задачей содействовать просвещению белорусского народа, а вместе с тем сохранению и развитию его родной речи и выработке литературного белорусского языка на народных началах. Деятельность кружка выражается в издательствах: им напечатан ряд популярных книжечек на белорусском языке, издаются белорусские буквари, народные календари, имѣющіе напо-

вину видѣ литературныхъ альманаховъ, но что всего важнѣе — основана первая бѣлорусская литературно-общественная газета. Сначала, въ концѣ 1906 г., она начала выходить подѣ названіемъ „Наша Доля“, но, вслѣдствіе частыхъ конфискацій, изданіе должно было прекратиться, ограничившись нѣсколькими номерами. На смѣну ему явилась болѣе умѣренная еженедѣльная газета „Наша Ніва“ (подѣ ред. А. Власова), которая въ настоящее время считается главной выразительницей идеи бѣлорусскаго возрожденія и имѣетъ для бѣлоруссовъ такое же значеніе, какое для малоруссовъ нѣкогда имѣлъ журналъ „Кіевская Старина“. Редакція „Нашей Нівы“ точно такъ же служитъ очагомъ бѣлорусскаго просвѣщенія и укрѣпленія народнаго самосознанія. Основаніе мѣстнаго періодическаго органа является крупнѣйшимъ культурнымъ фактомъ въ жизни бѣлорусскаго народа. Газета дала сильный толчекъ къ пробужденію дремлющихъ силъ народа и между прочимъ вызвала новыхъ дѣятелей изъ народной среды на литературное поприще не только на родинѣ, но даже въ Америкѣ, среди переселенцевъ. Цѣлый рядъ именъ, иногда достойныхъ болѣе широкой извѣстности, заявили себя присяжными любителями національной литературы, въ томъ числѣ стихотворцами, довольно искусными: ихъ уже переводятъ на другіе языки. Въ этомъ отличіе новаго періода отъ стараго, дореформеннаго въ бѣлорусской литературѣ: здѣсь выступаютъ дѣйствительно сыны народа, талантливые самоучки изъ крестьянъ и ремесленниковъ съ образованіемъ не выше народнаго учителя. Намъ, конечно, немислимо останавливаться на содержаніи и отдѣльныхъ статьяхъ періодическаго изданія, скажемъ только, что оно живо интересуется народной жизнью, освѣщаетъ ее со всѣхъ сторонъ, подымаетъ рядъ всевозможныхъ насущныхъ вопросовъ, объясняя ихъ въ простой общедоступной формѣ, пользуясь, кстати сказать, и нѣсколькими упрощеннымъ правописаніемъ (изгнаны: ѣ, ъ, щ, и). Большое количество корреспонденцій изъ самыхъ глухихъ мѣстъ Бѣлоруссіи даетъ читателямъ хорошую освѣдомленность о современномъ состояніи страны и о народномъ бытѣ. Для большей распространенности изданія также среди бѣлоруссовъ-католиковъ, издатели пробовали было выпускать газету въ двухъ изданіяхъ: одно русскимъ, другое польскимъ шрифтомъ, но эта мысль оставлена, такъ какъ она не оправдала расходовъ небогатаго кружка. Къ изданію изрѣдка прилагаются иллюстраціи, напр., снимки мѣстныхъ достопримѣчательностей, типы населенія, портреты писателей и т. п. Газета считаетъ уже 7-й годъ своего существованія. Уже слѣдя только за ея жизнью, мы воочию видимъ весь процессъ народнаго пробужденія въ Бѣлоруссіи и зарожденія но-

вой чисто-національной литературы, какъ прозы популярно-научной и художественной, такъ въ особенности поэзіи, имѣющей лучшихъ представителей въ лицѣ весьма недурныхъ лирическихъ поэтовъ Я. Лучины (псевд. Ивана Неслуховскаго) и Я. Купалы (Петербургъ); за ними слѣдуютъ: Якубъ Колась (Колось), Максимъ Богдановичъ (Ярославль), Альб. Павловичъ (Минскъ), А. Гарунъ (Горюнъ, въ Сибири), Стары Власъ, Филипповъ, Чернышевичъ, Цѣтка, Э. Констанція Буйло и мн. др., а изъ прозаиковъ; Власть (пишетъ и стихи), Ядвигинъ, Окличъ, Люцыкъ Гартный (и поэтъ), Полуянъ (рано умершій) и мног. др. Характеръ и значеніе этой новой поэзіи уже отмѣчены въ критической литературѣ весьма сочувственно¹⁾, хотя не обходится и безъ нападокъ и даже, сверхъ всякаго ожиданія, со стороны тѣхъ же поляковъ, которые первые начали культивировать народную бѣлорусскую поэзію²⁾. Эти недружелюбные критики обращаются къ молодымъ бѣлорусскимъ литераторамъ съ зловѣщимъ восклицаніемъ: „temento mori!“ Будемъ однако надѣяться, что на этотъ разъ уже никакія — ни явныя, ни тайныя — злыя силы не заглушатъ того, что взлелѣяно самимъ народомъ и его болѣе сознательными и талантливыми представителями, и что сдѣлалось насущною потребностью его духовнаго существованія. Слишкомъ много всевозможнаго литературнаго матеріала пущено въ народный оборотъ, чтобы можно было уничтожить бѣлорусскую литературу, не уничтоживъ самой народности. Для поддержанія этой народности прилагаютъ всѣ усилія виленскіе литераторы, ставя бѣлоруссамъ въ примѣръ другія народности, которыя, какъ напр., чехи, можетъ-быть, даже при худшихъ условіяхъ, сумѣли отстоять свою національность и заставили себя уважать и считаться съ ними. Для ознакомленія широкихъ круговъ съ прошлымъ Бѣлоруссіи „Наша Нива“ издала краткую исторію края (печаталась въ газетѣ за 1910 г.); въ отдѣльныхъ статьяхъ и замѣткахъ она постоянно напоминаетъ: храните вашъ языкъ, какъ самое драгоцѣнное достояніе, не забывайте вашихъ родныхъ пѣсенъ, это — душа народа, (напр., „Н. Н.“ 1910, №№ 27, 32, 34, 49 и пр.); эта идея проводится и не въ одномъ стихотвореніи Я. Купалы (напр.: „Родное слово“, „Надъ сваей айчизной“) и другихъ поэтовъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что новая бѣлорусская поэзія — партійно-про-

¹⁾ См. въ журн. „Українська Хата“ статью покойнаго С. Полуяна: „Бѣлоруська поезія в її типовихъ представниках“, 1910, № 3; статьи въ „Нашей Нивѣ“ 1910, №№ 7, 38 и др.

²⁾ Отзывъ Zen. Petkiewicz'a въ польск. газетѣ „Prawda“ 1910 г., № 39. См. отвѣтъ ему въ „Нашей Нивѣ“, №№ 38, 46. Болѣе объективную статью посвятилъ бѣлорусской литературѣ польскій „Swiat Słowiański“ 1912 г. № 1—2.

граммная, носящая черты временного интереса. Нисколько. Въ ней царить истинный лиризмъ, задушевность и неподдѣльность чувства, напоминающіе изрѣдка даже формой выраженія то Кольцова, то Шевченка, и отдѣльныя книжечки этихъ стихотвореній, какъ, напр., „Жалейка“ Янки Купалы, „Вязанка“ Янки Лучины, „Снопок“ Павловича, „Песньі Жальбы“ Якова Колоса, стих. Цѣтки, Бурачка и др. давно стали настольными книжками сознательнаго и грамотнаго бѣлорусса. Въ нихъ онъ находитъ живые отклики на всевозможные запросы своей духовной и обыденной будничной жизни. Описанія природы занимаютъ также одно изъ первыхъ мѣстъ. При этомъ надо отмѣтить одну черту новой бѣлорусской поэзіи— это преобладающіе въ ней грустные мотивы. Бѣлоруссъ устами одного изъ своихъ поэтовъ (Колоса), въ отвѣтъ на вопросъ: почему онъ поетъ такъ грустно?—говоритъ откровенно:

Ці ж я сэрцэм не балею?
Ці ж мне смутак лёгка дався?
Я сьпеваю, як умею,
А пра радасьць пець—ня здався...

Преобладающій мотивъ у современныхъ бѣлорусскихъ поэтовъ — оплакиваніе бѣдной доли народа, безсильные порывы къ свѣтлому будущему.

Приведемъ для примѣра нѣкоторые отрывки изъ этихъ скорбныхъ пѣсенъ о Бѣлоруссіи и бѣлорусскомъ народѣ. Вотъ „палѣскіе абразы“, т. е. полѣсскія картины природы у Якуба Колоса:

Цёмны бор, кусты, балоты,
Кучы лоз и дубняку,
Рэчкі, купіны, чароты, (очереть)
Морэ траў і хмызняку;
Мосьцік зложены з барвеньн^ів, (бревень)
Брод і грэбля кожны крок, (шагъ)
На дарозі рад карэньн^ів,
Крыж (крестъ) пахілены на бок,
Пералескі, лес, палянка,
Старасьвецкі дуб з жарлом,
Хвоя-веліч на кургане
Съ чорным буславым (аистовымъ) гняздом.
Гразь, пяскі, лужок зял^іны,
Шум крынічкі з-под карча (куста),
Шэлест лісьцев несканчоны (безконечный)
Крык у небі крумкача (журавля).

Вербы, груша-сіраціна,
Нізкарослы цёмны гай...
Гэта ты, балот краіна!
Гэта ты, палесскі край!

Кто же обітаець у гэтым краі і як жывець гэты народ? Тотъ же Я. Колосъ дае яркую характэрыстыку бѣлоруссоу:

Мы ходзім—спатыкаемся,
Бадзяемся, як п'яныя,
Мы з голадам зрадніліся,
Худыя, абарваныя;
Асьмеяны, аблаяны,
Гразію мы абмазаны,
Багатымі мы скрывджэны (обижены),
Няволею мы звязаны.

В балоты мы адціснуты,
Загнаны мы у шыліны,
І вочы нам завязаны,
І вушы нам зачынены (закрыты).

Адно мы добра ведаем;
Хоць вечна мы блукаемся,
А усёж такі, хоць некалі,
А правды дапытаемся.

Другой поэтъ, Максимъ Богдановичъ, такъ абрацаецца къ своей родинѣ:

Край ты мой родны! Як выкляты Богам,—

Столькі ты зносіш нядолі!

Хмары, балоты... Над збожжэм ¹⁾ убогім

Вецер гуляе на волі.

Поруч раскідалісь родныя вёскі... ²⁾

Жалем сціскаюцца грудзі!

Бедныя хаткі, таполі, бярозкі,

Всюды панурныя людзі...

Кінь толькі вокам да гэтага люда—

Сціснецца сэрцэ ад болю:

Столькі пабачыш ³⁾ ты гора усюды,

Столькі нуды без патолі... ⁴⁾

Сціснуло горэ дыханьне в народзе,

Горэ усюды пануе,

1) Збожжэ — хлѣбъ, псѣвъ, нива;—2) вёска — деревушка;—3) увидишь;—

4) безъ утолненія.

Хваляй¹⁾ шырокай разлілось, як морэ,
Родны наш край затапіло.
Брацця! ці зможэм²⁾ грамадзкае³⁾ горэ?
Брацця! ці хваце нам сілы?⁴⁾

На гэтыя тяжелыя вопысы, граничащыя съ отчаніемъ, отвѣчаеъ другой поэтъ Гальяшъ (Илья) Левчикъ, вспоминая древнюю притчу о связкѣ прутьевъ, которые поодиначкѣ легко переломать, а въ связкѣ трудно⁵⁾.

Так і мы, калі в грамадзі
Разом станем, як сцяною,
Дружна будзем жыць і рэйдзіць,—
Не настрашаць нас бядою!
Дружна, брацця, будзьма в згодзі⁶⁾,
Ці в нядолі ці в прыгодзі⁷⁾
Ізлучэмся в шнур⁸⁾, як гусі,
На дабро всей Беларусі!

Единственно свѣтлымъ мотивомъ является вѣра въ силы народа, на которыя онъ самъ долженъ рассчитывать, не надѣясь на помощь извнѣ.

Янко Купала такъ абнадеживаеъ своихъ земляковъ, бѣлорусскій народъ:

Пры ласцэ⁹⁾ Божэй
Усё мы зможэм,
Горэ затопчэм сильнай нагой;
Звільчым¹⁰⁾ нядолю,
Звальчым няволю,
Светац запалім шчасця свайго!
З'яснеюць ночы,
Высахнуць вочы,
Злітыя горкай бядноты слязьмі;
Голад загіне,
Бяда пакіне,—
Долю мець будзем, эй! будзем людзьмі!

Не надо только падать духомъ и надо итти дружныя рука объ руку.

Народный юморъ, несомнѣнно, въ высокой степени свойственный бѣлоруссу, мало пока находитъ проявленія въ современной поэзіи, исключая развѣ Альберта Павловича и еще кой-кого.

1) волной;—2) одолѣемъ ли;—3) общественное;—4) См. „Бѣлорусскі календар“ на 1912, стр. 85;—5) тамъ же 91—2;—6) въ согласіи;—7) въ несчастіи;—8) соединимся въ рядъ;—9) милости;—10) одолѣемъ.

Что касается внѣшней формы, то въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ бѣлорусскихъ поэтовъ достигаютъ значительнаго искусства. Вотъ, напримѣръ, начало одного стихотворенія Я. Купалы:

Ноч за нѣчкой ідзе, сцішна, тѣйна брыдзе,
Разсѣвае трывогу—знямогу;
Цені густа кладзе на пяску, на вадзе,
Ацебрае гасьцінец-дарогу...¹⁾

Или у Якуба Колоса:

Сонца заходзіць. Сумныя цені
Ціха злетajúць з гары;
Хмаркі паволі йдуць в аддаленне,
Злітыя блэскам зары.²⁾

Попадаются изрѣдка болѣе рѣдкіе стихотворные размѣры, напр. у Богдановича:

У небі, лц хмары грымѣтнай, празрыстая, лѣгкая хмара
Шпѣрка плыла, і абѣдзье чагось чарвонѣлі ад жару;
Трапілось зліцца-б ім тут, дык зрабіліся-б хмарай могутнай,
Але далѣка іх вѣцер разнѣс, наляцѣвши нячутна³⁾.

Польскій складъ рѣдко отражается на бѣлорусскомъ стихотворствѣ. Вотъ, напр., стихотвореніе Ф. Шантыра въ духѣ польскихъ краковяковъ:

Думкі мае, думки,
Хмары майго жыцця!
Калі час той прыйдзе
Повнаго забыцця?..⁴⁾

Достойно замѣчанія, между прочимъ, то обстоятельство, что среди произведеній новыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ переводы встрѣ-

¹⁾ Ночь за ночью идетъ, тихо, тайно бредеть,
Разсѣваетъ тревогу—(и)знемогу;
Тѣни густо кладетъ на песокъ, на водѣ,
Затемняетъ большую дорогу.

²⁾ Солнце заходитъ. Мрачныя тѣни
Тихо слетаютъ съ горы;
Тучки тихонько йдутъ въ отдаленіе,
Залитыя блескомъ зари.

³⁾ Въ небѣ, возлѣ тучи громовой, прозрачная, легкая туча
Быстро плыла, и обѣ отчего-то краснѣли отъ жара.
Случилось бы слиться имъ тутъ, такъ стали бы тучей могучей,
Но далеко ихъ вѣтеръ разнесъ, налетѣвъ незамѣтно.

⁴⁾ Думки мои, думки,
Тучи моей жизни!
Когда время то придетъ
Полнаго забытья?..

чаются только какъ рѣдкія исключенія (съ польскаго, малорусскаго, великорусскаго). Почти все—оригинальное, слѣдовательно, свое родное, непосредственное ¹⁾). Но, съ другой стороны, ясныхъ отраженій простонародной пѣсни у нихъ также мало. Почти единственный примѣръ—„Пѣсня“ М. Орла, переложеніе извѣстной малорусской и бѣлорусской пѣсни ²⁾).

Довольно рѣдки мотивы эпическіе, частью изъ народныхъ преданій, частью изъ современной жизни.

Съ особеннымъ удовольствіемъ можно отмѣтить отсутствіе въ новой бѣлорусской поэзіи того ненормальнаго, болѣзненнаго явленія, которое называютъ модернизмомъ. Очевидно, ему нѣтъ мѣста въ здоровой народной средѣ.

Бѣднѣе всего пока драматическая литература бѣлоруссовъ. Правда, еще Марцинкевичъ далъ опытъ въ этомъ родѣ въ своей „Селянкѣ“, но дальнѣйшаго развитія бѣлорусская драма не получала, да и потребности въ ней не было, такъ какъ не было ни своего театра, ни артистовъ. Только съ 1909—1910 гг. стали организоваться бѣлорусскія вечеринки въ Вильнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, а потомъ и въ меньшихъ городахъ, наполнявшіяся для начала пѣніемъ народныхъ пѣсенъ ³⁾ и положенныхъ на ноты популярныхъ стихотвореній, съ исполненіемъ народныхъ танцевъ, декламацией. Потомъ, отчасти по образцу малорусскихъ артистическихъ товариществъ, стали организоваться кружки въ Вильнѣ и другихъ городахъ для драматическихъ представленій на бѣлорусскомъ языкѣ. За неимѣніемъ бѣлорусскихъ пьесъ, обратились къ украинскому репертуару и охотно играли, напр., сцены изъ волостного суда Кропивницкаго—„По ревизіи“, хотя слѣдуетъ замѣтить, что какъ-разъ въ этомъ же родѣ существуютъ въ печати на бѣлорусскомъ языкѣ драматическія сцены А. Р. Пшелко, списанныя съ дѣйствительности. ⁴⁾ Потомъ начали составляться примѣнительно къ мѣстнымъ артистическимъ силамъ пьесы, главнымъ образомъ комедіи, напр., „Модны шляхцюк“, ком. К. Каганца и др. Можно надѣяться, что и въ этомъ отдѣлѣ литературы найдутся даровитые работники, а вмѣстѣ съ развитіемъ драматургіи будетъ крѣпнуть и развиваться бѣлорусскій театръ.

¹⁾ Объясняется это, можетъ быть, отчасти и малымъ знакомствомъ поэтовъ съ чужими литературами.

²⁾ Беларускі календар на 1912, стр. 92.

³⁾ Между прочимъ изъ вновь собранныхъ кружкомъ пѣсенъ составлень Роговскимъ „Бѣлор. пѣсенникъ для школьн. и народн. хоровъ“. Онъ же выпустилъ „Бѣлорусскую сюиту“.

⁴⁾ „Янкина жалоба. Драматическ. этюдъ изъ жизни Лепельскихъ крестьянъ“. Витебскъ 1900, 2-е изд. дополн. 1902.

На-ряду съ виленскимъ кружкомъ въ Петербургѣ работаетъ въ томъ же направленіи бѣлорусская „супólка“, т.-е. товарищество, подъ девизомъ „Загляне сонцэ и в нашэ ваконцэ“. Оно издало цѣлый рядъ дешевыхъ бѣлорусскихъ книжекъ, напр. буквари, бестыды о землѣ и небѣ, произведенія прежнихъ стихотворцевъ (Марцинкевича) и новыхъ: Богушевича, Бурачка и др.

Подводя итогъ дѣятельности молодой Бѣлоруссіи, мы должны признать, что самоотверженные труды энтузіастовъ идеи просвѣщенія своего народа не только не пропали даромъ, но, наоборотъ, дали осязательные, крупные результаты, составляющіе эпоху въ исторіи культурнаго развитія Бѣлоруссіи.

Въ свое время, въ 80-хъ годахъ, когда запрещено было печатать бѣлорусскія книжки, исключая ученыхъ матеріаловъ, извѣстный историкъ и археологъ Бѣлоруссіи Адамъ Киркоръ безнадежно предсказывалъ окончательную гибель бѣлорусской литературы. Къ счастью, бѣлорусскій народъ, наперекоръ всѣмъ невгодамъ, показалъ свою живучесть, дожилъ до новой эры, и мы можемъ съ радостью воскликнуть вмѣстѣ съ пѣвцомъ Бѣлоруссіи Янкой Купалой:

Не загаснуць зóркi в нéбi,
Покi небо будзе,—
Не загiне край забраны,¹⁾
Покi будуць людзi.
Ночка цёмная на сьвэці
Вéчна не начуе;
Зёрне²⁾, кiнутае в нiву,
Всходзе ды³⁾ красуе...
Беларускаю рукою
Сьвётлай прауды сiла
Славу лéпшую⁴⁾ напiше
Бацькавщыне⁵⁾ мiлай.
Зацьвiце янá⁶⁾, як сóнцэ
Посьле непагоды,
В ровнай волi, в ровным стане⁷⁾
Мiж усiх народоv⁸⁾.

Sit nobis bonum omen!..

Н. Янчукъ.

1) „Забранымъ краемъ“ называютъ Бѣлоруссію и Литву, 2) зерно, 3) па, 4) лучшую, 5) отчизнѣ, 6) она, 7) состояніи, положеніи. 8) Изъ стихотворенія, напеч. въ „Нашей Нiвѣ“ 1911 г., № 47—48, стр. 617.

Учр. Ибраһимови Орусияда Сабирова Ку. 16/11/11
1912, Кн. 1.

